

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА ЩЕТНЕВА (08.10.1934 – 05.01.2011)

РОЖКОВ А. Ю.

IN MEMORIAM
OF VALERY E. SHCHETNEV
(08.10.1934 – 05.01.2011)

ROZHKOV A. Y.

The article in memoriam of Professor Valery E. Shchetnev is concerned with his life journey; special attention is attached to his athletic records and scientific achievements.

В статье, посвященной памяти профессора Валерия Евгеньевича Щетнева, рассматривается его жизненный путь, а также уделено внимание спортивным и научным достижениям.

Keywords: Valery E. Shchetnev, V.E. Shchetnev, historian, memory.

Ключевые слова: Валерий Евгеньевич Щетнев, В.Е. Щетнев, историк, память.

УДК 929

«Краем детства я застал во многом еще патриархальную, деревенскую жизнь Абхазии и навсегда полюбил ее. <...> Человек склонен возвышать то, что он любит. Идеализируя уходящий образ жизни, возможно, мы, сами того не сознавая, предъявляем счет будущему. Мы ему как бы говорим: вот, что мы теряем, а что ты нам даешь взамен?»

Пусть будущее призадумается над этим, если оно вообще способно думать».

Фазиль Искандер,
«Сандро из Чегема»

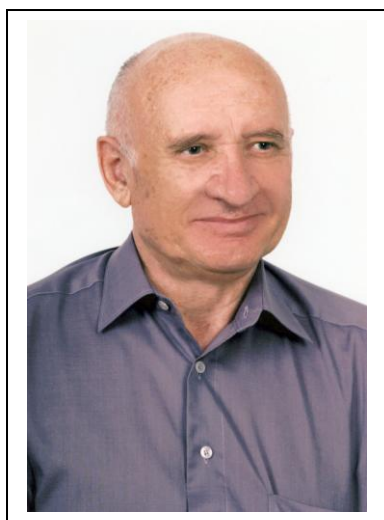
В первые дни Нового года ушел из жизни замечательный Человек. Человек с большой буквы. Мой Учитель и Друг. Незаурядная, харизматическая личность. Яркий представитель уходящего культурного слоя.

Настоящий ученый. Прирожденный педагог. Талантливый публицист. Кумир студентов. Оригинальный мыслитель. Неподражаемый лектор. Интересный рассказчик. Признанный авторитет в исторической науке. Подлинный интеллигент. Человек с активной гражданской позицией. Демократ. Либерал. Романтик-«шестидесятник». Мужественный борец. Человек без позы и фальши. Потрясающий жизнелюб. Неиссякаемый оптимист. Всегда современный. Всегда подтянутый. Другого такого не будет.

Память непроизвольно отматывает «пленку» последних лет. Каких-то шесть лет назад я писал предисловие к юбилейному сборнику, посвященному 70-летию Валерия Евгеньевича. Всего год назад, вернувшись из Москвы, я от души поздравлял его с 75-й годовщиной. Тогда думалось, что крепкий организм, спортивная закалка, свежесть ума обеспечат ему долгие годы жизни и плодотворной работы. Еще месяц назад верилось, что он победит тяжелую болезнь. Навестив его за день до кончины, я не мог и предположить, что наша встреча окажется последней. К горькому чувству утраты добавилось ощущение недосказанности. Хочется выразить свои чувства, о которых не успел или постеснялся сказать ему при жизни.

Чем измерить, как описать масштаб его личности, величие его души? С кем можно его сравнить? Его личность настолько многогранна, что в одном некрологе невозможно охватить все стороны этой неординарной натуры. Набросать абрисный эскиз – задача посильная.

Наверно, каждый, кто его знал много лет, полагал, что знает его хорошо. Раньше так думал и я. Сейчас, оглядываясь назад, ловлю себя на мысли, что, живя вблизи с ним, мы многое в его личности не замечали или не понимали, воспринимали *de visu*, в контексте повседневной суеты. Теперь мне кажется, что мы находимся только в начале пути к познанию огромной яркой планеты – Валерий Евгеньевич Щетнев. Великое счастье выпало тому, кто попал в ее орбиту.

В.Е. Щетнев. 2009 г.

Валерий Евгеньевич родился в городе Сухуми 8 октября 1934 года. Его отец – Ев-

гений Николаевич Щетнев – был журналистом. Уйдя добровольцем на фронт, он погиб в 1943 году при освобождении Кубани. Маме – Нине Леонидовне Ивановой – пришлось одной воспитывать сына. Ей помогала бабушка Валерия – Нана. Эти две прекрасные женщины вложили в любимого Лерика всю чистоту и непорочность своих душ.

Будущий профессор Кубанского государственного университета рос и воспитывался в семье потомственных педагогов. Его дедушка, Леонид Павлович Иванов, был одним из первых авторов учебника по русскому языку для абхазов. Мама Валерия Евгеньевича – выпускница Кубанского пединститута 1927 года – преподавала русский язык в Сухумском пединституте. По окончании школы В.Е. Щетнев отслужил в рядах Советской Армии с 1953 по 1955 годы. Служить пришлось связистом на Семипалатинском полигоне в те годы, когда СССР активно испытывал ядерное оружие. Затем учеба на историко-филологическом факультете Краснодарского пединститута (1956–1961). Здесь он попадает под лекторское обаяние Михаила Владимировича Покровского, благодаря которому становится историком. Именно его Валерий Евгеньевич считал своим первым наставником в исторической науке. В 1962–1965 годах судьба сводит аспиранта Валерия Щетнева, исследовавшего кубанскую станицу времен НЭПа, с руководителем группы по истории советского крестьянства в Институте истории АН СССР Виктором Петровичем Даниловым. Известный крестьяновед оказал на начинающего историка огромное мировоззренческое и методологическое влияние. Они стали единомышленниками в восприятии советской аграрной истории 1920–1930-х годов как «трагедии советской деревни», до конца дней В.П. Данилова между ними сохранились теплые дружеские отношения.

Около полувека Валерий Евгеньевич проработал в КГПИ – КубГУ. Здесь он подготовил кандидатскую диссертацию (которую блестяще защитил в Москве), написал, опубликовал и отредактировал свыше 120 работ, включая школьные и вузовские учебники, сборники статей и документов. Подготовил более двух десятков аспирантов и соискателей. Мне посчастливилось стать одним из двух его «первенцев».

Наше знакомство с Валерием Евгеньевичем состоялось весной 1988 года. Я за-

вершал обучение на истфаке Кубанского университета по программе второго высшего образования и планировал сразу после получения диплома начинать работу над кандидатской диссертацией. Поэтому к выбору научного руководителя дипломной работой на «кандидатскую перспективу» подходил серьезно. Так вышло, что с Валерием Евгеньевичем я тогда еще не был знаком. Поступив сразу на второй курс, я пропустил его лекции для первокурсников. Но в кругу своих однокашников, посещавших его курс, слышал о нем восторженные отзывы. На стенде перед кафедрой я видел выставку его статей в центральных журналах. Мое желание писать обе работы под его научным руководством крепло. К тому же меня привлекал «его» период – двадцатые годы. Мнения знакомых педагогов окончательно подкрепили мою уверенность в правильности выбора руководителя. Подавив робость, я обратился к Валерию Евгеньевичу с просьбой стать моим научным руководителем. После испытания моих творческих способностей в виде подготовки реферата (этот эпизод заслуживает отдельного рассказа) он согласился взять меня к себе в дипломники. Как потом оказалось, его волнение было не меньше моего: тогда у него еще не было опыта подготовки аспирантов, да и моя тема о кубанской молодежи в годы НЭПа была ему мало известна. Между тем наш творческий и личностный альянс состоялся и длился с тех пор без малого четверть века. Без единой размолвки или мелочной обиды.

Признаюсь, поначалу многое в его манере поведения как научного руководителя меня одновременно и восторгало, и удивляло. Он не вписывался в «классический» образ большинства вузовских преподавателей тех лет ни внутренне, ни внешне. Вместо традиционного костюма с галстуком – демократичная коричневая кожаная куртка нараспашку, рубашка с расстегнутым воротом, вельветовые джинсы и кроссовки. Уверенная, размашистая походка. Легкая сутулость лишь подчеркивала его высокий рост. Открытый, дружелюбный взгляд не портил даже его близорукий прищур. Весь его внешний облик излучал внутреннюю свободу и независимость. Тогда, в конце 80-х, – это еще непривычное качество для советского человека, тем более для меня – кадрового офицера. Но именно раскрепощенность и «инаковость» Валерия Евгеньевича притя-

гивали к нему. Я только теперь понимаю, что в выборе научного руководителя на самом деле мною двигало подсознательное стремление обрести собственную свободу. С таким проводником в мир свободы, как Валерий Евгеньевич, это было сделать легче.

Со стороны мне казалось, что он вообще ничего не боится, кроме болезней близких или своей неспособности им помочь. У него никогда не было дрожи перед начальством. Он мог уважать или не уважать конкретного чиновника, но сам по себе должностной статус руководителя любого ранга для него не имел никакого значения, поэтому он с одинаковой степенью уважительности относился и к студенту-первокурснику, и к вышестоящему руководству.

Я безмерно благодарен ему, что он, будучи научным руководителем, не водил меня «за ручку» по кабинетам, не «выбивал» для меня каких-то привилегий, не хлопотал за оценки на кандидатских экзаменах. Он приучал к самостоятельности. И при этом я всегда ощущал его поддержку за спиной. Он никогда не отчитывал за огрехи в работе, не применял менторский тон, не навязывал своего мнения. Достаточно было лишь легкого намека с его стороны или фразы, подталкивающей к собственному решению: «Подумай, может быть лучше сделать так или так?».

Наверно, каждый из нас, его учеников, будет всегда с нежной теплотой вспоминать незабываемые встречи-«посиделки» в квартире Щетневых. Это тоже был особый стиль общения с аспирантами. Нередко, планируя визит на полчаса, ты покидал этот гостеприимный дом гораздо позже. Встречи никогда не происходили ради проформы: сдать новый материал и получить замечания. У нас постепенно сложился ритуал. Вначале обсуждали мои вопросы по диссертации, замечания Валерия Евгеньевича. Затем разговор спонтанно переходил на любые другие темы, как шутят историки – «от Адама до Потсдама». На «повестке дня» перемежались то новости политики и экономики, то спортивные состязания, то литературные новинки или открытия (во всех этих темах он был непревзойденным корифеем), то события в университете или на родном истфаке (мне это было особенно интересно как сотруднику другого вуза). Супруга Валерия Евгеньевича, Валентина Ивановна, непременно приглашала на чаепитие.

Иногда дегустировали хорошее вино из Абхазии. Редкое утро воскресенья начиналось без его телефонного звонка. Редкий матч сборных России по футболу, хоккею или волейболу оставался без обсуждения. Память сохранила лишь некоторые эпизоды из этих похожих друг на друга сотен наших встреч и тысяч телефонных диалогов. Но все воспоминания окрашены в исключительно теплые тона. Такими же радостными были и предвкушения очередных randevu. Не верится, что все это уже в прошлом...

Мне всегда казалось, что он умеет жить очень размеренно: он никогда не суетился, никуда не спешил. Наверно, потому и успевал сделать многое. Он сам и его уютное жилище были будто островками стабильности и безопасности в океане мирской суеты. Рядом с ним становилось как-то спокойно и уверенно. Было ощущение, что он знает какой-то секрет жизни, недоступный тебе. Порой он напоминал немного-словного мудрого старца, которому достаточно было проронить одну фразу, иногда полную сарказма, хмыкнуть или загадочно улыбнуться, чтобы выразить свою позицию. Возможно, в этом было что-то абхазское, врожденное или приобретенное в детстве.

Для исторического «цеха» вполне справедлива поговорка, применимая к любой профессиональной сфере: историков много, хороших – мало. Валерий Евгеньевич, бесспорно, относится к этой малочисленной категории. Он любил историю и понимал ее. Он умел схватывать суть исторических событий и процессов, находил им порой парадоксальное объяснение, но продуманное и аргументированное. Он всегда старался «зреть в корень» прошлого и, насколько мог, учил этому своих последователей.

Как ученый, Валерий Евгеньевич для меня был камертоном научной добросовестности. Он не терпел скороспелых карьеристов и нуворишей от науки, не переносил псевдонаучного словоблудия, формализма и поверхностного отношения к исследовательскому материалу, негативно относился к «проходным» диссертациям и коммерциализации в научной среде. Его «вес» в научном сообществе не зависел от его возраста, ученой степени и ученого звания, почетного звания «Заслуженный деятель науки Кубани», количества публикаций или подготовленных аспирантов и соискателей. Он завоевал высочайший

авторитет своей позицией ученого и педагога как человека и гражданина. Недаром на научных конференциях, особенно в ходе дискуссий на «круглых столах», все с интересом ожидали его позиции и оценок: «Что скажет В.Е. Щетнев по этому вопросу?»

Невзирая на количество публикаций, мне кажется, как ученого его правомернее отнести к категории «читателей», нежели «писателей». Трудно найти сегодня среди коллег-историков (себя я тоже отношу к ним) тех, кто бы прочел столько книг, журнальных и газетных статей вне своих прямых тематических пристрастий, сколько Валерий Евгеньевич. Он регулярно приносил домой из научной библиотеки КубГУ «толстые» журналы и прочитывал их запоем. На его журнальном столике постоянно лежали свежие номера «Литературной газеты», «Известий», «Коммерсанта», «Новой газеты». Он зачитывался Фазилем Искандером, обожал роман «Сандро из Чегема». Признаюсь, было очень стыдно, когда он звонил мне и спрашивал своим неповторимым тембром: «Саша, а ты читал такую-то статью (далее следовал номер журнала «Нева», «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов» и пр.) или такую-то книгу (явно не монографию или учебник по истории)?» Тут бы в наше бурное время успеть прочитать необходимые научные труды и учебно-методическую литературу к занятиям. А он находил время, и всю эту «косвенную» для историка информацию затем органично вписывал в тексты своих лекций и научных произведений. Оттого и дышали они жизнью и живым словом. Вообще, это был своего рода Жванецкий в исторической науке – как в смысле предпочтения малых форм (тезисов, небольших статей), так и прекрасного литературного языка. Логика изложения, глубина мысли, четкость и лаконичность фраз, богатство и колорит языка – «фирменные» черты литературного стиля Валерия Евгеньевича. К слову, он напоминал известного сатирика и своим крупным, размашистым почерком, неприятием компьютерного письма. «Жванецким» он был и по превосходному чувству юмора, и по своим либеральным взглядам.

Он не жил прошлым, что кажется несколько странным для историка. Может, поэтому не спешил оставить после себя мемуары. Не вел дневники. Редко рассказывал о своем жизненном пути. Он жил настоящим и будущим. Он мечтал о Рос-

сии свободной и сильной. О свободном и образованном человеке, живущем в гражданском обществе, в полном достатке. И не только мечтал, но и многое делал для этого как общественник. По духу он до конца дней своих оставался романтиком-«шестидесятником». Настоящим интеллигентом и подлинным патриотом. Патриотизм в его понимании, скорее, был чаадаевским, просвещенным, самокритичным. Интеллигенту, в его понимании, недостаточно было иметь высшее образование и заниматься интеллектуальной деятельностью. Следовало еще и поступать по совести, жить не по лжи. Нравственными и мировоззренческими авторитетами для него стали Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев, С.П. Залыгин, Ф.А. Искандер, Л.П. Карсавин, Д.С. Лихачев, А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын.

Он был очень органичным человеком. Самодостаточным и скромным. Человечным и доступным. Он совершал в жизни только мужские поступки. Так же по мужски вел себя и на смертном одре. Он умел быть интеллигентом и дома, среди родных и близких, что многим из нас дается нелегко. Забота и нежность Валерия Евгеньевича по отношению к Валентине Ивановне никогда не были показными, это его внутренняя суть. Супруги Щетневы являли собой пример удивительной пары порядочных, интеллигентных людей, проживших вместе более полувека и неизменно излучавших трепетное отношение друг к другу.

Валерий Евгеньевич всей своей честной и достойной жизнью «позаботился» о том, чтобы в поминальных панегириках, некрологах знавшие его люди не кривили душой, восхваляя заслуги этого достойнейшего человека. Имелись ли у него недостатки? Конечно, как и у любого нормального человека. Он вовсе не был святошей, морализирующим праведником, он любил

жизнь во всех ее проявлениях. Но в том-то и секрет магнетизма Валерия Евгеньевича, что его недостатки воспринимались всего лишь как естественные человеческие слабости, за которыми была чистая душа без подлости, злонамеренности и злопамятства. Были ли у него враги? Вряд ли. Скорее, могли быть мелкие завистники – ему действительно было в чем завидовать! Наверно, были и скрытые недоброжелатели – ведь он был принципиальным и порой безжалостным в отстаивании своих научных и идейных позиций. Но это было их, а не его проблемой. Потому что он был исключительно доброжелательным и благородным человеком. Он не был сентиментальным, но был очень чутким и сопереживающим. Человеком с открытым сердцем. Человеком без камня за пазухой. Потому и пришлось прощаться с ним так много светлых и добрых людей. Потому так горько и сиротливо на душе.

Разбирая в эти дни личный архив Валерия Евгеньевича, я наткнулся на его черновые наброски о Викторе Петровиче Данилове (очевидно, к некрологу). Прочитую фрагмент: «<...> Разделить в Данилове человека и ученого невозможно. <...> 2) был начитан, был интеллектуалом в самом высоком смысле этого слова; 3) умел слушать других, но в полемике был непримирим; 4) любил передавать свои знания, помогать, но никому не навязывался; 5) качествами дипломата не обладал; 6) характер имел сложный, был щепетилен не только в науке». Эти оценки в полной мере относятся и к их автору. Ученик был достоин своего учителя.

Валерий Евгеньевич Щетнев был Большим Человеком. Большое видится на расстоянии. Время еще сильнее обнажит его истинное величие. А нам остается только помнить о нем и продолжать у него учиться...

Сведения об авторе:

Рожков Александр Юрьевич,
д-р ист. наук, профессор Краснодарского
государственного университета
культуры и искусств (Краснодар).